

—

Когда Цзинь И и Чжаоянь вышли из двора Фан Мань Тин, Цзинь И спросил: «В комнате твоего дяди Мина очень жарко?» Когда он пришёл, все как раз меняли Чжаояню одежду, и даже его тонкая рубашка промокла.

Чжаоянь засмеялся: «Дядя Мин сказал, что у Янь-эра, кажется, руки стали немного толще, и захотел проверить, стал ли Янь-эр сильнее. Мы боролись на руках!»

«Так Янь-эр стал сильнее?»

«Да!» Чжаоянь энергично кивнул: «Сильнее. Однажды дядя Мин даже проиграл Янь-эру! Но...»

«Но что?»

«У дяди Мина действительно было немного жарко, примерно как в комнате старой госпожи».

Старая госпожа была в возрасте, и не выносила холода, поэтому лёд в её комнате использовался редко, и только после полудня.

Цзинь И с сомнением спросил: «У него в комнате нет льда?»

Чжаоянь покачал головой: «Есть. Но дядя Мин отдал большую часть своего льда сестре Люй Фэй и остальным. Дядя Мин сказал, что в их комнатах жарко, и Янь-эр сходил посмотреть, и правда, там очень жарко. Но в их комнатах на стенах висит много вышивок, которые дядя Мин нарисовал, а сестра Вань Лань вышила, так красиво! Даже красивее, чем то, что тётушка вышила для старой госпожи».

Цзинь И довольно забавно спросил: «Ты, ребёнок, уже можешь это понять?»

Чжаоянь ответил: «Дядя Мин сказал, что красивые вещи — это красивые вещи, и если Янь-эру очень нравится, значит, это обязательно очень хорошо».

У Цзинь И было много возражений, но он решил, что для невинного ребёнка это ни к чему, поэтому молчаливо согласился с мыслями Чжаояня. Спустя мгновение он снова спросил: «Янь-эр хорошо провёл время в Фан Мань Тине?» Он сам нечасто забирал сына, но всякий раз Чжаоянь был с улыбкой на лице, радостный и восторженный.

Чжаоянь тут же ответил: «Да! Дядя Мин знает очень-очень много, и он не думает, что Янь-эр надоедает, он много чего со мной делает. И ещё, дядя Мин угощает Янь-эра вкусной едой. Вот, это сахарные шарики, которые дядя Мин специально купил для Янь-эра!»

Сказав это, Чжаоянь достал из своего маленького кошелька две конфеты и положил их в руку Цзинь И: «Очень вкусно, ароматные, сладкие, но совсем не приторные, Янь-эр больше всего любит такие сахарные шарики».

Цзинь И спросил: «Он часто тебя этим угощает?»

Чжаоянь покачал головой: «Только когда дядя Мин говорит, что Янь-эр очень хорошо что-то сделал».

«Так что же Янь-эр сегодня сделал?»

«Янь-эр написал каллиграфию и даже выиграл у дяди Мина в борьбе на руках! Но сегодня дядя Мин специально дал Янь-эру две лишние конфеты и сказал, что можно съесть их только после того, как я уйду из Фан Мань Тина. Папа, попробуй, это правда очень вкусно!»

Глядя на сияющие глаза Чжаояня и его улыбающееся, полное надежды лицо, Цзинь И впервые за многие годы положил конфету в рот. Свежий, сладкий вкус был приятным.

«Ну как? Папа, как тебе?»

Цзинь И кивнул: «Действительно неплохо».

Почему Фу Мин специально дал Чжаояню две лишние конфеты? И так его наставлял? Было ли это то, о чём он подумал?

Цзинь И засомневался, затем подумал: «Найду возможность спросить». Если в тот день он решил прямо спросить его об этом, то почему бы и об этом не спросить прямо?

Итак, в следующий раз Цзинь И снова пришёл в Фан Мань Тин под предлогом забрать ребёнка.

«Конфеты, которые были в тот день, очень вкусные, спасибо».

Цзинь И не стал ходить вокруг да около, и Фу Мин, немного помедлив, слегка улыбнулся: «Если господину тоже нравится, в следующий раз, когда я выйду, принесу ещё».

Цзинь И не сказал ни «хорошо», ни «плохо», а только: «Чжаоянь ещё мал, он любит сладкое, но нельзя давать ему много».

Фу Мин кивнул: «Я понял».

Цзинь И тоже кивнул и только потом увёл Чжаояня.

Фу Мин молча размышлял некоторое время, затем улыбнулся и отпустил ситуацию. В тот день он услышал от Люй Фэй о том, что Цзинь И в одиночестве скорбел по умершей жене, и подумал, что, раз уж он теперь его супруг, то, казалось бы, следовало бы его утешить. Но отношения между ними сейчас не были близкими, поэтому Фу Мин выбрал такой уклончивый способ, полностью полагаясь на волю Небес. Неожиданно, Небеса помогли ему, и другая сторона даже поняла намёк. Это было редкостью.

Хотя Фу Мин по-прежнему плохо знал Цзинь И, у него было ощущение: Цзинь И — человек с широкой душой, он прямолинеен и не скрывает злых замыслов. Возможно, это добродетель воина?

Хотя лето было в самом разгаре, в последнее время несколько дней подряд шли дожди, и погода на удивление стала немного прохладной. Фу Мин как раз собирался выйти завтра, когда получил приглашение от Чжоу Чэнъяня, приглашающего его на литературное собрание через два дня.

Хотя семья Чжоу по своему положению уступала семье Цзинь, но, если проследить на три поколения назад, в ней были высокопоставленные чиновники. Нынешний глава семьи, отец Чжоу Чэнъяня, Чжоу Цзышань, был особенно искущён в ведении дел при дворе. Под его руководством семья Чжоу достигла расцвета, превосходя по влиянию малочисленную семью Цзинь. Происхождение Чжоу Чэнъяня было выдающимся, и сам он обладал безупречными качествами. Люди, с которыми он общался, были необычными.

К приглашению прилагался продуманный список участников, составленный Чжоу Чэнъянем. Все перечисленные в нём люди были известны Фу Мину, даже если он их никогда не видел. Если они не были потомками знати, то это были прославленные таланты, а один из них был знаменитым актёром, известным всей столице.

С тех пор как Фу Мин поступил в поместье Цзинь, он ещё ни разу не собирался со сверстниками на весёлые посиделки, поэтому с радостью принял приглашение.

Через два дня Чжоу Чэнъянь лично приехал за Фу Мином. Они вдвоём поехали верхом.

В городе не разрешалось гнать лошадей во весь опор, поэтому они ехали неспешно, а следующие за ними двое-трое слуг могли за ними поспевать.

Сегодняшнюю встречу организовал Чжоу Чэнъянь, поэтому они приехали рано. Кроме уже ожидающего здесь знаменитого актёра Янь Лэ, остальные ещё не прибыли.

Это был отдельный двор в крупном столичном ресторане Цзяньлоу, который стоил в десятки раз дороже, чем место в главном зале или небольшой кабинет на втором этаже.

Чжоу Чэнъянь с улыбкой спросил Фу Мина: «Ну как?»

Тихое место в шумном городе, уединённое и древнее. Фу Мин кивнул и с улыбкой ответил: «Очень хорошо».

Янь Лэ вышел из комнаты, его смеющийся голос опередил его появление: «Чтобы принять уважаемого гостя, молодой господин Чжоу специально приказал мне тщательно выбирать, сколько это стоило — второстепенно, главное — это такое внимание со стороны молодого господина Чжоу, уважаемому гостю должно быть приятно!»

Его слова были тщательно продуманы, чтобы угодить всем сторонам, без единого изъяна. Фу Мин подумал, что он и не знал, что этот маленький актёр так красноречив, и с улыбкой ответил: «Вы двое очень любезны».

Янь Лэ раньше не знал, что уважаемым гостем, о котором говорил Чжоу Чэнъянь, был Фу Мин. Теперь, увидев его, улыбка на его лице, хотя и стала немного бледнее, но искреннее, и тон стал не таким оживлённым, но более искренним: «Давно не виделись, братец Мин».

Чжоу Чэнъянь удивлённо сказал: «Вы знакомы?»

Фу Мин кивнул: «Мы с А-Лэ знакомы с детства».

Чжоу Чэнъянь удивился. Как богатый юноша и известный актёр могли быть знакомы с детства? Он знал Янь Лэ много лет, знал о нём многое, но не знал, что у него есть такой старый друг, как Фу Мин. Но, очевидно, оба не хотели объяснять, поэтому он больше не стал задавать вопросов.

Янь Лэ сказал: «В прошлый раз на верхнем этаже я мельком увидел тебя, и даже не успел рассмотреть, братец Мин, ты похудел или поправился».

«Теперь ты можешь хорошенько рассмотреть, как?»

Янь Лэ, действительно, внимательно рассмотрел Фу Мина и с улыбкой сказал: «Очень хорошо, как и раньше».

Чжоу Чэнъянь молчаливо позволил им двоим побеседовать. Когда другие гости начали прибывать, Фу Мин и Янь Лэ разошлись, и Янь Лэ снова натянул сияющую улыбку, а его тон снова стал оживлённым.

Чжоу Чэнъянь сказал Фу Мину: «Мне всё равно кажется, что он только что был лучше».

Фу Мин засмеялся: «Таков способ заработка для них, тебе нравится, каким он был только что, но другим это может не понравиться. Ему и так хорошо, он никогда не будет неприятен».

«Это точно», — засмеялся Чжоу Чэнъянь, — «Внешность безупречна, на пипе играет хорошо, песни поёт красиво, да ещё и говорить умеет. Иначе как бы он мог быть первым знаменитым актёром в столице?»

Фу Мин вспомнил, как много лет назад он спросил Янь Лэ, принял ли он окончательное решение, и Янь Лэ ответил с непоколебимой решимостью. Затем он посмотрел на него сейчас и почувствовал лёгкую боль в сердце. Но он быстро взял себя в руки и, по представлению Чжоу Чэнъяня, поприветствовал всех по очереди.

Среди них Чжоу Чэнъю и Чжоу Чэнсинь были двоюродными братьями Чжоу Чэнъяня. Чэнъю был того же возраста, что и Чэнъянь, они учились вместе, как родные братья; Чжоу Чэнсинь был на несколько лет старше, уже достиг совершеннолетия, его взрослое было Шоучжэнь, и все называли его так.

Цуй Цзин был внуком нынешнего премьер-министра, с детства имел репутацию вундеркинда, а теперь, повзрослев, был очень любим дедом, который целенаправленно его воспитывал. Даже император слышал о нём и призывал к себе, одаривая множеством подарков, и его слава распространилась далеко. Ци Синь, по прозвищу Юаньшу, хоть и был из бедной семьи, но обладал выдающимся талантом, уже имел статус цзюйжэнь*, и его вступление в должность было не за горами. Он был полон энергии и ничуть не уступал группе молодых господ в роскошных одеждах.

Кроме того, был ещё некто по имени Цин Сунь, говорят, что его предки тоже были чиновниками, но в его поколении никто в семье не служил. Тем не менее, это была учёная семья, и Цин Сунь был полон глубоких знаний, но не собирался служить императору, а предпочитал свободно бродить по столице, обладая высокой репутацией великого отшельника в городе.

[*Цзюйжэнь (胥人, jǔrén) — учёный, сдавший провинциальный экзамен.]

Чжоу Чэнъянь был центром этой группы, потому что именно он собрал всех вместе, и они часто встречались и общались в течение последних двух-трёх лет. Чжоу Чэнъянь не превосходил своих братьев в стремлении к успеху, не был так знаменит, как Цуй Цзин, не был так талантлив, как Ци Юаньшу, и уступал в манерах Цин Суню. Как же он завоевал расположение всех? Фу Мин долго наблюдал и подумал, что, возможно, это произошло потому, что он был искренен с людьми, не имел личных интересов и был щедр и открыт. И хотя он не был похож на остальных, он сочетал в себе черты разных людей, и в целом был выдающимся молодым человеком.

Поскольку Фу Мин был приведён Чжоу Чэнъянем, все отнеслись к нему довольно доброжелательно.

На собрании было принято пить чай. В то время все, от князей и аристократов до

простолюдинов, любили и пили чай. В прошлый раз во дворе Фан Мань Тин Чжоу Чэнъянь увидел, что Фу Мин специально обустроил в комнате небольшую полуоткрытую чайную комнату, и узнал, что он овладел чайной церемонией. Поэтому он предложил, чтобы на этот раз чай для всех заварил Фу Мин. Фу Мин знал, что Чжоу Чэнъянь делает это для его удобства, и с радостью согласился.

Слуги принесли чайные принадлежности, а также курильницу и подставку для благовоний. Фу Мин сказал: «Уберите благовония, принесите несколько веток лотоса, просто поставьте их в белую фарфоровую вазу». Затем он объяснил всем: «Чай, который я выбрал сегодня, обладает насыщенным ароматом, нет необходимости зажигать благовония, а в сочетании со свежим ароматом лотоса это будет идеально».

Фу Мин выбрал чай не тот, который любили богатые семьи того времени — «Драконий Феникс», а тот, который случайно обнаружила его кормилица, вернувшись домой. Говорят, его выращивали старые монахи в храмах Цзяннаня, а молодые почки собирали до праздника Цинмин. В столице он ещё не был популярен. Кормилица прислала его издалека, и Фу Мин, попробовав, очень полюбил его. На этот раз он специально принёс его, чтобы угостить всех.

Мастерство Фу Мина было отточено, и хотя его движения не были такими плавными, как у профессионалов чайной церемонии, в них сквозила некая расслабленная и непринуждённая грация, словно у непобедимого мастера, которому всё равно, как он делает движения, он действует по наитию, но при этом точно попадает в цель. Когда вода закипела, пар окутал его опущенные брови, и когда горячая вода снова и снова наливалась в чашки, аромат чая постепенно распространялся, смешиваясь со свежим ароматом лотоса. Он поднёс чашки к присутствующим, и только тогда все очнулись, впервые почувствовав, что процесс заваривания чая так быстро пролетел.

Этот чай действительно был ароматным и имел прекрасный сладкий вкус, не уступающий чаю «Драконий Феникс». Все, попробовав его, не могли не спросить, что это за чай, и вскоре после этого этот вид чая также распространился в столице. Впоследствии он даже стал одним из императорских чаёв, но это уже другая история.

Во время чаепития Цин Сунь, любитель музыки, сказал: «Почему Янь Лэ не сыграет что-нибудь, чтобы оживить атмосферу?»

Янь Лэ засмеялся: «Это не лень, просто этот чай я раньше никогда не видел, и сразу не знаю, какую мелодию к нему подобрать. Размышляя, кажется, нет подходящей мелодии». Затем, посмотрев на Фу Мина, он добавил: «Фу Гунцзы, когда вы напишете хорошую мелодию, не будет слишком поздно ее сыграть. Прекрасный чай подобен прекрасной женщине, не стоит грубить хорошему чаю».

Цин Сунь спросил: «Фу Гунцзы хорошо разбирается в музыке?»

Фу Мин ответил: «Кое-что знаю».

«Фу Гунцзы скромничает», — сказал Янь Лэ, — «Цин Гунцзы, ваша любимая песня «Повелитель Ветров и Лун», и слова, и музыка, написаны Фу Гунцзы».

«Неужели?» — Цин Сунь хлопнул в ладоши и засмеялся. — «Вот это здорово, наконец-то посчастливилось встретить родственную душу!»

Чжоу Чэнъянь тоже засмеялся: «Что за родственная душа, Цин Сунь, ты опять за своё. Родственные души — это взаимно, а мой братец Мин не признавал тебя родственной душой».

Цин Сунь посмотрел на Чжоу Чэньяня: «Ты, деревянный, если сам ничего не понимаешь, не завидуй чужому мастерству».

Они вдвоём обменивались колкостями, и это было очень весело.

Цин Сунь тут же попросил Янь Лэ ещё раз сыграть и спеть «Повелитель Ветров и Лун». Эта мелодия не отличалась мощностью, но была переплетением нежности и драматизма. Сначала она была чистой, как вода, затем перешла в плач, после чего забурлила и, наконец, успокоилась, став ясной и просторной. Пение человека прерывисто вплеталось в неё, словно человек случайно встретил ветер и луну и проникся ими.

Когда мелодия закончилась, все молчали, лишь лёгкий ветерок шелестел листьями за окном, а под окном лежали пятна света и тени.

Спустя долгое время Цин Сунь медленно произнёс: «Было и такое время, когда юноша не знал печали, было и такое, когда мы были влюблены, было и такое, когда мы поднимались на башню, стучали по перилам и долго выли на ветер, но в конце концов тучи рассеялись, засияла луна, и небо прояснилось». Во время этих слов его лицо было полно эмоций.

Фу Мин, услышав это, почувствовал глубокое удовлетворение и тихо засмеялся: «Именно так».

Цуй Цзин тоже сказал: «У ветра и луны нет хозяина, но люди хотят выразить им свои чувства, поэтому у ветра есть мужское и женское начало, а у луны — пасмурные и светлые дни».

Ци Юаньшу же сказал: «Мне особенно нравится последнее значение: сколько неприятностей оно смыкает, кажется, что ветер и луна не имеют ко мне отношения, и я не имею отношения к ветру и луне, радость неопишима».

Братья Чжоу переглянулись и, улыбаясь, сказали: «В нашей семье Чжоу никогда не было людей, хорошо разбирающихся в музыке, поэтому у нас нет таких глубоких чувств, как у вас. Мы просто считаем, что это красиво».

Все обменивались словами, и только спустя долгое время они наконец вышли из-под влияния музыки.

Было уже время обеда.

Чжоу Чэнью любил и понимал еду. Он комментировал каждое блюдо, и если повар, нанятый рестораном Цзяньлоу за большие деньги, готовил недостаточно вкусно, он ещё и высказывал своё мнение о лучших дополнительных ингредиентах и способах приготовления:

«В этом ассорти добавлено куриное мясо, но оно не должно быть деревенским цыплёнком из пригорода столицы, а должно быть рисовым цыплёнком, купленным в Цзяннане. Только тогда это будет настоящее цзяннаньское ассорти».

«Чэнью, ты даже можешь определить, откуда курица?»

«Курица из разных регионов пьёт разную воду и ест разный корм, поэтому вкус сильно отличается... А как вам это блюдо «Летнее настроение на тарелке»?

«Цвет свежий и красивый, вкус насыщенный и ароматный, это популярное сейчас блюдо в Цзяньлоу».

Чжоу Чэнью улыбнулся: «А мне не нравится. Раз уж это «Летнее настроение на тарелке», то оно должно иметь летний вкус. Основными ингредиентами этого блюда являются фрукты, но к ним добавляется слишком много приправ, а процесс приготовления сложен, что скрывает первоначальный свежий аромат фруктов и теряет их освежающий эффект. Ингредиенты должны быть изысканными, а не многочисленными, а способ приготовления — искусным, а не сложным. В самый раз — это самое прекрасное».

«Вот это да! «В самый раз — это самое прекрасное»! Чэнью действительно разбирается в этом, и это очень интересно!»

Фу Мин также любил пробовать разнообразные деликатесы, поэтому после обеда он попросил у него несколько рецептов, намереваясь взять их домой и попросить повара попробовать приготовить.

Чжоу Чэнью, записывая рецепты, с улыбкой сказал: «Мои таланты среди этой группы людей никто не ценит, но, к счастью, ты здесь, и я могу блеснуть своим мастерством».

Цин Сунь засмеялся: «Тогда покажи себя по-настоящему, а не просто болтай».

Чжоу Чэнью ответил: «Благородный муж держится подальше от кухни, мне достаточно уметь планировать. Хотя ты любишь музыку и даже называешь себя ценителем, я никогда не слышал, чтобы ты сам играл».

Цин Сунь был неуклюж, он хорошо слушал, но не умел играть. Единственная цитра в его доме была без струн, сделанная по образцу древнего мудреца Тао Цяня, и могла играть только для него самого, совершенно беззвучно. Чэнью и он очень точно подмечали недостатки друг друга.

Такой гармоничной и тёплой атмосферы Фу Мин почти никогда не испытывал. Когда банкет подходил к концу, по традиции нужно было писать стихи и песни в память о событии и выражении чувств. Фу Мин был глубоко тронут, и его идеи приходили к нему, как родник, и он закончил стихотворение «Сокращенные слова ветра и луны» на одном дыхании, в котором были строки: «Зачем завидовать ветру и луне, простой чай и лёгкое вино, дополняющие мой внутренний вкус. В другой день мы снова соберёмся за столом, пейзажи новые, а друзья старые, и выпьем допьяна, вспоминая старые истории». Его сопровождала импровизированная мелодия, свободная и легкая, но в то же время теплая. Прослушав его, все аплодировали и хвалили Фу Мина за его талант в создании новых мелодий.

—